

Легкая, невесомая пена беззаботного, и потому самоотверженного, девичьего разврата спала и растворилась после моего девятнадцатилетия, когда моя подруга Соня Шнайдер подарила мне в коробке с медвежатами девятнадцатидюймовый (по количеству лет) фаллоимитатор японской фирмы Vsunwdjorpu и букет мелких роз с сердечком и блестками. Член был громадный, черного цвета, с подогревом. Он умел говорить «Катя, я тебя люблю», пульсировал и изгибался с разной частотой, и стрелял на полтора метра белой жидкостью, баллон с которой прилагался в комплекте с инструкцией. Инструкция была с картинками и не оставляла никаких сомнений в полезности прибора. Еще у члена была нежная силиконовая слегка прозрачная черная крайняя плоть, ее можно было двигать вперед и назад, сообщая изделию то грозную налитость страстью, то домашнюю трогательную безобидность.

В тот вечер мы с Сонькой дружески поеблись, она оттрахала меня языком в запретных местах, а потом долго удовлетворенно сосала мне пальцы на ногах. Уже ночью мы нарисовали на ватманском листе девицу с большой жопой и стреляли в нее синтетической спермой как в мишень. Сперма пахла ванилином. Потом, в темноте мы голышом курили на балконе. Начинался мелкий дождик. Было холодно. Я бросила недокуренную сигарету вниз и смотрела, как она упала, ударившись о невидимую ветку клена внизу, рассыпав чахлые искры. На макушку мне капала вода.

Мы ушли греться в душ. Соня Шнайдер терла меня пенной мочалкой, а я смотрела на ее большие круглые сиськи, и вдруг заплакала. Я сидела в ванной, рыдала, а Соня Шнайдер лила на меня горячую воду и приговаривала обычные в таких случаях бессмысленные слова утешения: «дура, ну что ты, дура, не реви! Идиота кусок. Всё хорошо. Всё образуется. Дура! Ты же умница, ты же красавица. Всё будет хорошо». «Ты не понимаешь, Сонька, — говорила я, всхлипывая и сморкаясь, — ты не понимаешь. Никто меня не понимает». Чего именно никто не понимает, мне и самой было неизвестно, но я рыдала и все никак не могла остановиться. Мне было жалко себя, жалко Соньку, жалко этот дождливый летний вечер, жалко всех. Было жалко денег, потраченных на деньрожденное кафе, куда надо было пригласить девчонок. А они смотрели пристально, завистливо. И дарили всякую хрень. Папа улетел отдыхать со своей юнной подругой (прямо вот юнной через два «Н») Я ведь июльская, и отец постоянно в июле бывает в отпусках, в стремлении оказаться в еще более летних краях. Опять же подруга. Подруга — его охотничий трофей, он ей гордится. И может быть что-то еще. Володю я приглашать не стала. Нельзя вот так привести своими руками своего собственного МЧ №1 в малинник подвыпивших дев. Проверка чувств — это не наш метод.

А вот Мишка не смог быть. Мишка улетел в Якутск. Гацкий Мишка улетел в Якутию! В Якутию, Карл! Нет, это невообразимо. Мишка играет в долбаной рок-группе не виолон... нет, это выговорить невозможно. Он играет на виолончели, все время шляется по гастролям, то он в Питере, то в Алматы, то в Е-Бурге, и так без перерыва. Большой чёс. Замучил меня рассказами, как сложно эту мандулу сдавать в багаж. В редкие его прилеты на базу, мы с ним очень трахаемся. С Володей у меня любовь, а с Мишкой мы трахаемся, но очень. И он, как назло, улетел на мой день рождения. А я знаю эти гастроли. Представляю этих крепких якуток, которые швыряют майки на сцену. И понимаю, что у нас тут ясный день, я

выслушиваю в кафе сплетни, а там уже ночь, и Мишка ебет якуток в номере люкс, отражаясь в зеркалах. И тут получаю от него поздравлялку: «Катя, с Днем рождения!» И фотографический кот с цветочком. Бля! Он там ебет якутку и шлет мне КОТИКА. В мой, блять, день рождения.

У меня раздваивается мозг. Я не знаю, как отвечать на такую хуйню. Можно ответить: «Дорогой Миша, я очень рада, спасибо!» Но я склоняюсь к другой редакции текста: «Ты охуел там, гаденыш!» Но не успеваю ничего отправить. Он шлет мне по ватсапу ролик известного мультя, где главный герой дарит своей девушке на ДР кота. «Я дарю тебе кота, потому что он самое ценное, что у меня есть после фантика от жвачки и Аллы Пугачевой. Правда кот срет по углам, от него куча шерсти, у него педикулез и глисты, еще он дерет когти об мебель и т. д. « Там котяра шикарный. Я срочно прощаю Мишку, отлучаюсь на две минуты из-за столика и шлю ему фотку своей задницы в белых хлопковых трусах. Всё, как он любит. Трусы чуть приспущены. Сразу получаю в ответ сердечки, и еще минуты через три видео: на заставке планшета фотка моей попы в трусах. рассказы эротические Сам ролик снят смартфоном левой рукой. На заднем плане, значит, моя прекрасная жопа. А на переднем, он расстегивает штаны, достает толстого друга и дронит на мою задницу. Я веселюсь и счастлива. Даже хочу уже показать это дело Соньке Шнайдер, но тут понимаю, что что-то не так. Изображение прыгает и мелькает, но видно, что на члене большая круглая родинка.

Размером с два рубля. Родинку отчетливо видно между большим пальцем дронящей руки и залупой. А мне ли не знать, что никакой родинки там нет. У меня все обрывается внутри. Это передать невозможно. Я долго соображаю, думаю, что ошиблась адресом, миллион глупостей проносится в моей голове. Но потом становится понятно, что, как и было сказано, где-то поблизости Мишка ебет свою прекрасную широколицую могучую якутку. А мою попку он уступил, скорее всего клавишнику Сереге, и тот, наебавшись всласть с якуткой, тунгуской, китайкой и алеуткой, теперь дронит на меня. А мишкина якутка стоит раком и скалит зубы на всё это дело. А Мишка ее ебет. А он умеет. У меня похолодело внутри, напряжение в сети, вероятно, упало, свет конкретно померк. Во рту насрали те самые кошки. Я чуть не сдохла. Потом уговорила себя не дрожать рукой, допила совершенно безвкусное вино из рюмки и пошла к официанту Мите. Я с ним накануне договаривалась об устройстве этого идиотского праздника, так что можно считать Митю-официанта моим старым знакомым. У меня есть простое, но эффективное правило: чтобы не было очень противно, или просто, чтобы было что вспомнить, надо закадрить парня. На свете много хороших людей, я в это верю. И почему бы не поебаться с хорошим человеком? Я склеила Митю быстро. Щас я вас научу. Это просто. Если парень не родился в Сыктывкаре и не ходил в ясли при Карагандинском угольном бассейне, то почти наверняка уже в пубертатном возрасте он прочитал брошюру «Как бесплатно за пять минут выебать десять девок и не подцепить триппер». Поэтому любой нормальный парень считает себя знатоком тайн женской души и обладателем тайных секретов. И если вы, глядя на него поправляете волосы, выпрямляете спину и невзначай показываете ему ладони, он считывает то, что было написано в учебнике, и думает «эта сучка влюблена без памяти и даст прямо здесь». Короче. Я подхожу к официанту Мите, говорю какие-то слова, поправляю волосы, глядя нежно-нежно, выгибаю спину (тут важно не перепутать порядок действий). Да, еще важно говорить наиболее блядским голосом с хрипотцой, но с переходом на фальцет. Это сильно на них действует. Голос должен быть такой в диапазоне от прокуренной глотки Zaz и грубо й Kovacs, до фальцета LP и сюсюканья Клары

Румяновой.

— Вот, — говорю я и развожу руки в стороны, показывая открытые ладони, — вот, Митя, такие дела. День рожденья! — и смотрю на то место под его бардовым форменным фартуком, где должен (я знаю) должен быть хуй, — поздравь. Поздравь, — говорю я и делаю движение глазами в сторону туалета.

— Поздравляю, — говорит Митя.

— Точно поздравляешь? — говорю я.

— Да.

— Стучать четыре раза, — и ухожу в дамскую комнату.

Через две минуты мы ебемся с Митей в неудобной позе. Ровно там, где я только что делала фото попы в трусах. Теперь трусы забыты, и Митя неловко меня ебет. Мне важно, чтобы он продержался какое-то время, поэтому работаю только на себя: никаких мышц влагалища, никаких резких движений. Только плавное скольжение и тихо-тихо, без стонов, а то он перевозбудится и всё — взрыв на старте. Митя волнуется, хуй у него временами чуть опадает — это нежно, главное, чтобы не выскочил. Он держит меня одной рукой за талию, рука у него хорошая, крепкая и не грубая. Другой он опирается в стенку, придавая нашей конструкции пластическую устойчивость. Митя начинает мне по-настоящему нравиться, Митя заботлив, старателен, мне нравится его физиономия — перекошенная от страсти, с закрытыми глазами. Веснушки около сморщенного от любви носа. Он отличный. Митя мне начинает нравиться. Мысль из головы спускается неторопливо ниже, у меня начинает биться сердце, живот как-то детски радуется, напрягается, грудь твердеет, все это докатывается до промежности, клитора, и хрен бы с ним с клитором, доходит до самых глубин пизды. Всё, я кончаю, дергаюсь пару раз не очень сильно, потом еще пару раз, стараюсь то есть не дергаться, но не выходит, поэтому вздрагиваю уже как от бомбежки, вцепляюсь в этого чудесного официанта Митю с его эротическими веснушками, которых я уже не вижу, потому что зажмурилась и немножечко так ору от всей этой ебли. Мы роняем крышку толчка! Грохот и осколки. Митя пугается; происходит расстыковка, он корчится и кончает куда-то себе в трусы. Тада! Успех! Кто ебался в обстановке, максимально приближенной к боевой, тот меня поймет. Особенно те, кто сводил счета за измену. Слегка мокрые мы одновременно с ним выкатываемся из туалета. У меня такое лицо, как будто я только что поеблась в туалете. Я расплачиваюсь с Митей трясущимися руками, но оставляю большие чаевые, чтобы подпортить Мите кайф еще больше. Это моя месть за симпатию к нему. И я сворачиваю кильдым. Подружки в ахуе. Еще рано. Мы с Соней Шнайдер едем ко мне домой с букетами и пакетами. Дальше вы знаете: я плачу в душе. Позднее утро шумело, уже дневным, успокоенным бульваром через открытое окно, светило дырочками сквозь штору и жужжало на кухне кофемолкой в руках Сони Шнайдер. Я представила чуть толстые Сонькины босые ноги, стоящие на полу, представила кофемолку в ее руках — Сонькины сильные руки с коротким маникюром могли бы походить на мужские, если бы не их решительная женственность. «Тихо подойти, обнять сзади и прижаться лобком к ее попке. К попчке», — подумала я и, передвинувшись к краю кровати, неожиданно для себя почувствовала блаженный покой внизу живота. Это было чувство полного счастливого покоя. Тогда я повернулась набок, поджала коленки под подбородок и сжала пизду. Это было прекрасно. Все вот говорят об эротике желания, о возбужденном томлении, ожидании, предвкушении; говорят о том, как они грезят еблей, как замечателен оргазм, скрип, стоны,

укусы и дорогие подарки поклонников. Но никто не говорит об эротике полной, теплой и сухой удовлетворенности, когда пизда не хочет, но ей так хорошо, так приятно, так любовно-нежно, что просто прелесть. Удовлетворенность — это не отсутствие полового чувства, нифига, это его лучшая и совершеннейшая форма, наебавшийся человек переживает самые лучшие эротические эмоции наслаждения послекусия и расслабленности. Говорят, что окситоцин всему причина. Пожалуйста, наздоровье. Путь окситоцин. Насыщенность любовью — вот что важно, ради этого все неудобства, переживания и риск, долгие переписки, звонки и вздохи при луне. Тихое счастье во всем теле, покой в душе. Покой в душе. Покой, блять, в душе! Ебтвоюмать!

— Убью гада! — заорала я, — Мишка — ебливый придурок! Убью его!

— Позвони Мишке, — кофемолка умолкла, и Сонька въехала в дверной проем, скользя тапками по паркету. Оказывается, на ней были мои тапки, и халат. Морда у нее была заспанная, но вполне себе ничего. Я не ответила, бросилась носом в подушку и притаилась. Почувствовала, что она села с краю. Она поцеловала мне попку. Я закрыла голову одеялом. Под одеялом услышала электронное пиканье, сквозь одеяло, сквозь ревность эту мою, обиду, сквозь мой позор и ужас до меня медленно доходит, что Сонька по моему телефону звонит ему. Она не знает в чем дело. Она представить себе не может этого кошмара, клавишника с моей фотографией, Мишку с якуткой. Слышу Сонькин голос: Привет-привет... Соня... нет... поговори с ней, — и сует мне в подушку телефон. Я говорить не могу, слышу: Здорово, именинница! Я тебя люблю. Тебе понравилась моя наклейка? — я совершенно обалдеваю от Мишкиного свинства, ничего понять не могу, начинаю представлять какую-то наклейку на его виолончели — голую якутянку с татуировкой «Прошмандовка» готическим шрифтом чуть выше пизды. Мишка что-то пыхтит там в Якутии, я не очень понимаю, что. Он тоже. — Я, кажется, что-то не то сделал. Ладно. Просто я хотел тебе напомнить про Чикиту. Ты мне прислала фотку моей любимой попы, я тебе — Чикиту.

— Я тебя люблю, идиот, — неожиданно для себя прокричала я ему и нажала отбой. Я хохотала и рыдала. Сонька посмотрела на меня внимательно и принесла стакан воды: ты ёбнулась, — сообщила она мне.

Смысл в том, что наше с Мишкой «домашнее» прозвище его хуя было Чикита — в честь марки бананов. Да, у Мишкиного толстого тупоносого хуя было женское имя Чикита. Короче. Это был не чужой член с родинкой, это был его родной хуй с наклейкой от бананов «Chiquita». Он прилепил к своему хую наклейку от бананов. Он напомнил мне лучшие наши ебливые часы, когда женское имя Чикиты как бы смягчало пафос ебли, снимало напряжение неловкости «борьбы полов» и много чего еще. А я не разглядела — картинка все время мелькала — что там разберешь.

— Ну, я пожалуй, это, пойду, — сказала Сонька, — кофе сварить сама. Ты втюрилась, мне тут делать нечего.

— Нихрена я не втюрилась, — проворчала я, — я Володю люблю.

— Вот щас вот это самое, ты сама понимаешь, что ты сейчас сказала?

— Нет, — сдалась я, — не понимаю. Я люблю Мишку. Я его охрененно люблю, понимаешь?

— А, ну да, я читала. Даже в кино видела, в мультфильме. Так бывает, не ссы. Так бывает: девушка с ним ебется-ебется, ебется-ебется, потом раз, внезапно! — влюбилась по уши.

Любовь коварная штука.

— Сонька, пошла в жопу.

— Ты воду-то выпей.

— За тебя.

— Лехаим! Будьмо! (На этом незаконченный рассказ обрывается, потому как дальше мне писать лень. Опять же пафос будет нарастать как эрекция у пубертатного подростка. А оно вам надо?)